

ЗНАКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Илинская

Статья посвящена семиотическому анализу языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке различными способами: названием, описанием, выражением и метафорическим представлением. Языковые единицы каждого способа обладают своими знаковыми характеристиками, т.е. представляют различные типы знаков. Данный критерий (тип знака) может использоваться для дифференциации эмотивных и неэмотивных единиц.

Долгое время лингвистика сторонилась проблемы эмоций, так как традиционно эмоции не считались объектом ее изучения. Но в ученом мире они стали рассматриваться уже в период Античности в рамках философии в трудах Платона и Аристотеля и позже в работах Декарта, Спинозы, Канта. В целом же, если взглянуть на историю эмоций, то аффективная жизнь человека имела меньше значения и считалась подчиненной мышлению. Такая ситуация позволяет ряду ученых говорить о существовании "рационалистической антиэмотивистской традиции недооценки или третирования эмоциональных способностей человека" в истории мировоззрений [1, с. 144].

В конце XIX-начале XX веков эмоции перешли в ведение психологии и весьма надежно там обосновались. Несмотря на довольно большую разработанность в психологии этой тематики, проблемы все же остаются, и в частности, нет единого мнения относительно сущности эмоций.

Лингвистика позже других наук обратилась к проблеме эмоций, однако этот поворот неслучаен. В последние десятилетия многие лингвистические исследования приняли отчетливый антропоцентрический характер, т.е. человек стал своеобразной точкой отсчета, которая используется в языке для описания физических качеств предметов, окружающих его, а также для распознавания процессов, происходящих внутри него самого: его мыслей, чувств, внутренних ощущений. В связи с актуальностью исследования данного объекта для современной науки, а также достаточно большим накопленным эмпирическим материалом в рамках лингвистики выделяется особая отрасль *эмотиология*, или «лингвистика эмоций». О важности этого направления свидетельствует и то обстоятельство, что на IV Международном конгрессе лингвистов в Берлине оно было признано одним из пяти наиболее приоритетных в современной лингвистике [2]. Эмотиология, по определению

В.И. Шаховского, – это наука «о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [3, с.8]. Если для психологов особое значение имеет изучение природы эмоций, формы их проявления и функции, то для лингвистов основной **задачей** является исследование *языковых способов экспликации эмоциональных состояний и отношений*. Первоначально параллельно термину **эмотиология** использовались еще несколько вариантов – **эмотология** (В.Г. Гак) и **эмоциология** (О.Е. Филимонова). Но в настоящее время в качестве основного закрепился первый вариант – эмотиология. Именно он употребляется в последних работах отечественных и зарубежных исследователей. Основу эмотиологии составляет лингвистическая концепция эмоций [3]. В рамках этой теории эмоции рассматриваются в тесной связи с когнитивными процессами. Суть же ее заключается в следующем: человек воспринимает и отражает окружающий его мир и фиксирует эти представления в языке и с помощью языка. Но важно, что человек выделяет только то, что действительно важно для него в настоящий момент. Этот процесс регулируется эмоциями, так как именно они являются посредниками отражения окружающего мира в языке и выражают значение объектов мира для говорящего и слушающего. Эмоциональная оценка действительности говорящими субъектами посредством психического механизма отображается в семантике слов, словосочетаний, различных синтаксических структурах, и далее может быть реализована в речи [3].

Среди основных задач и проблем, которые призвана разрешить новая наука об эмоциях, можно выделить следующие:

- проблема эмотивности в языке: ее знаки и маркеры;
- типология знаков, служащих для передачи эмоций в языке;
- динамика изменений в фонде эмотивных средств языка;

ЗНАКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- представление одной и той же эмоции в разных языках и способы ее номинации;
- проблема эмотивной лакуарности, связанная с переводом эмоций на иностранный язык;
- выражение эмоций в разных типах речевых актов;
- проблема эмотивности текста;
- лингвистические и паралингвистические средства выражения эмоций.

Современная интерпретация проблемы «язык и эмоции» осуществляется в рамках нескольких направлений: структурно-семантическом, стилистическом, прагматическом, когнитивном, психолингвистическом, лингвокультурологическом. Такое полипарадигмальное состояние, по мнению Е.С. Кубряковой, свидетельствует о зрелости науки, так как прогресс, совершенствование знания в условиях полипарадигматизма обеспечивается анализом объекта сразу же по разным направлениям, в разных парадигмах знания, что позволяет представить объект изучения комплексно, во всем его проявлении [4, с. 4].

Но долгое время проблема эмотивности упоминалась в научной литературе лишь как стилистическая или фоностилистическая черта языка [5; 6]. Только с 80-х годов XX века эмотивные единицы языка стали рассматриваться с позиций семантики, синтактики и прагматики как некий семиотический код, используемый говорящим и слушающим. Данный подход позволяет ученым глубже проникнуть в суть проблематики и иначе, в другом ракурсе интерпретировать вербализованные эмоциональные явления.

С семиотической точки зрения различные эмоциональные проявления человека: эмоциональные реакции, чувства, эмоциональные состояния, аффекты, настроения могут быть **выражены** языковыми и паралингвистическими средствами, совокупность которых составляет особый *знаковый эмотивный код* того или иного языка (термин Б. Волек [7]). Корректное использование и дешифровка этого кода в рамках конкретного языка и культуры свидетельствует о наличии эмотивной компетенции у языковой личности. Неверное же использование эмотивных знаков ведет к коммуникативным провалам и неудачам как в коммуникации в рамках одной культуры, так и в межкультурной коммуникации.

Особый знаковый эмотивный код языка состоит из вербализованных эмотивных знаков, представляющих разноуровневые языковые единицы от фонемы до текста. Таким

образом, данные знаки могут обладать как простой, так и осложненной структурой, а объединяющим моментом служит наличие эмотивной составляющей в структуре их значений.

Большинство эмотивных знаков обладают *комплексным* характером [7, с.19]. Поскольку знаков, выражающих только эмоции, относительно немного, то зачастую они выражаются этими комплексными знаками, т.е. такими языковыми знаками, которые могут соотноситься не только с эмоциями, но и с другими объектами. Например:

(1) **honey** 1. a sweet thick fluid made by bees from the nectar of flowers - мед

2. darling (used when speaking to someone one loves) дорогой, любимый [8, с. 298]

Первое значение знака незмотивно и соотносится с реальным объектом действительности, второе формируется из двух частей, из двух компонентов: понятия «человек» и второго – эмотивного отношения. При этом в эмотивный код языка входит только эмотивная часть комплексного знака.

Некомплексные эмотивные знаки содержат исключительно эмотивные компоненты значения, поэтому они являются наиболее чистой репрезентацией эмотивности на кодовом уровне. Но их количество существенно ограничено, и к ним можно отнести междометия, инвективную лексику, предложения квазипридаточной структуры.

При интерпретации семиотической природы эмотивных знаков мы будем исходить из терминологии Ч. Пирса, являющегося основателем теории семиотики.

В философском энциклопедическом словаре (ФЭС) дается следующее определение *семиотики*, или семиологии (греч. 'знак') – это общая теория (или комплекс научных теорий), исследующая свойства знаковых систем, или систем знаков, каждому из которых определенным образом сопоставляется (придается) некоторое значение [9, с.575]. Под *знаком* понимается материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний) [9, с.198].

В языкознании знаком считается материальный носитель информации о предмете вследствие воспроизведения, репродукции – *знаки копии* или иначе *иконы* (icon), вследствие естественной связи – *знаки признаки* или

индексы (index), или вследствие отражения определенных свойств, осознаваемых в качестве представителей всего явления, его сущности – *знаки символы* (symbol). Традиционно перечисленные типы знаков считаются не языковыми, и к ним добавляются собственно языковые, которые в рамках лингвистики делятся на два подвида – первичные знаки (естественного языка) и знаки-субституты, являющиеся вторичными знаками, которые замещают не объект, а первичный знак (например, письменная фиксация произносимых звуков слов) [10, с. 125].

Вслед за такими учеными, как Ю.С. Степанов, В.А. Звегинцев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева и др., мы принимаем концепцию двусторонности языкового знака, согласно которой знак определяется как двусторонняя сущность, образованная отношением означающего звуковой речи и означаемого – значения [11, с.167-168]. Сторонники концепции односторонней сущности языкового знака, например, В.М. Солнцев, рассматривают знак как материальный предмет (в языке – звучание), социально используемый для указания на некоторое мыслительное содержание (в языке – значение). Таким образом, согласно В.М. Солнцеву знак – односторонен, и то, на что указывает знак (означаемое), находится вне знака [12].

Несмотря на разделение знаков на языковые и неязыковые, многие ученые, в том числе и Ч.Пирс, рассуждая о природе и характере языковых знаков, используют в качестве инструмента интерпретации понятия: икона, индекс и символ. Большинство слов естественного языка представлены знаками символами. "Любое заурядное слово, как "give", "bird", "marriage" является примером символа" [13, с.91]. В то же время Ч. Пирс отмечает, что слова были по происхождению обычно частью иконическими, частью индексальными, но эти свойства за долгое время утратили свое значение [14].

Являясь основателем классификации знаков по их соотносительности с предметом, Ч. Пирс, тем не менее, признавал ее относительность и указывал, что в знаках могут присутствовать различные комбинации этих типов: икона-индекс, икона-символ и т.д.

Сходные знаковые комбинации характерны и для знаков, объективирующих различные эмоциональные явления в языке. Но языковой фонд средств, обозначающих эмоции, не есть гомогенное образование. В речи эмоции могут быть представлены различными

ми способами: названы, описаны, выражены и метафорически переосмыслены.

При этом естественно, что характер знаков, в которых объективируются эмоции, по-разному проявляется в указанных способах реализации эмоций языковой личности. Необходимо различать собственно *эмотивные знаки*, которые выражают эмоции человека и сигнализируют о непосредственном переживании какой-либо эмоции говорящим, и вообще знаки, которые незмотивно репрезентируют эмоции в языке через название, описание и метафорическое представление.

В общем же, все вербализованные знаки, передающие эмоции, являются символическими, т.е. *знаками-символами*, в том смысле, что они произвольны и случайны, как и большинство единиц языка в настоящий момент их развития и существования. Несмотря на общий символический характер этих единиц, каждый способ презентации эмоций будет иметь свои особенности в соотношении знака и замещенного им явления.

Представляется, что в первом способе передачи эмоций человека – **номинации** превалирует символический характер соотношения между знаком и обозначающим им явлением. Например:

(2) Uncle Vernon waited until Piers was safely out of the house before starting on Harry. He was so angry he could hardly speak. He managed to say, "Go – cupboard – stay – no meals," before he collapsed into a chair and Aunt Petunia had to run and get him a large brandy (K.J. Rowling «Harry Potter»).

В данном отрывке автор непосредственно называет эмоцию, которую испытывает персонаж книги Дядя Вернон: он злится на своего племянника Гарри. Использование знака '*angry*' для обозначения эмоции/ чувства злости, гневного раздражения, недоброжелательства имеет социально установленный и условный характер, т.е. на данном этапе развития языковой системы словоминимант эмоции *anger* является знаком-символом и используется «по договоренности».

В **описании эмоций** также доминирует *символический характер* связи между языковыми знаками и эмоциями, с которыми они соотносятся.

Описание эмоций в тексте заключается в фиксации внешних изменений, происходящих с человеком: изменяется мимика, речь, вегетативные и двигательные реакции.

Любое эмоциональное состояние имеет свой особый тип «вербального эталона» [15].

Например, эталон вербального выражения удивления:

- глаза широко открыты,
- рот приоткрыт,
- брови подняты,
- на лбу морщины.

Вербальные эталоны страха:

- крик,
- бледность,
- бег VS застывшая поза,
- брови приподняты,
- голос дрожит,
- тело дрожит,
- лицо искажено.

Как мы видим, данные эталоны могут включать и противоречивые сигналы как при *страхе* – бег VS застывшая поза.

Кроме того, одна и та же мимическая или речевая экспрессия может свидетельствовать о переживании разных эмоций, в том числе и противоположных. Например:

(3) She was not past seventeen. Cast in so slight and exquisite a mould; so mild and gentle; so pure and beautiful; that earth seemed not her element, nor its rough creatures her fit companions. The very intelligence that shone in her deep blue eye, and was stamped upon her noble head, seemed scarcely of her age, or of the world; and yet the changing expression of sweetness and good humour, the thousand lights that played about the face, and left no shadow there; above all, the smile, the cheerful, happy smile, were made for Home, and fireside peace and happiness (Ch. Dickens «Oliver Twist Or The Parish Boy's Progress»).

В данном отрывке улыбка героини Мисс Роуз свидетельствует о переживании положительных эмоций – радости и счастья. Характер эмоций раскрывается за счет ближайшего контекста и употребления таких прилагательных, как *cheerful, happy* ('радостный', 'счастливый'). Но так происходит не всегда, и следующий пример тому подтверждение:

(4) The archdeacon shook his head, with a bitter smile. "Master Jacques read Michel Psellus' 'Dialogus de Energia et Operatione Daemonum.' What we are doing is not wholly innocent"(V.Hugo, «Notre-Dame de Paris»).

Поиск рецепта превращения любого металла в золото запрещался церковью, поэтому улыбка архидиакона, пытающегося найти философский камень и знающего о греховности своего поступка, не могла быть радостной и счастливой. Определение характера и смысла улыбки в этом примере возможно также благодаря семантике рядом стоящего

прилагательного – *bitter* – 'горький' и всего контекста.

Как считают Н.Д. Былкина и Д.В. Люсин, однозначных связей между эмоцией и ее внешним выражением нет. Поэтому для идентификации эмоций других людей необходимо учитывать дополнительную информацию о некоторых промежуточных переменных таких, как индивидуальные особенности человека, культурные особенности того общества, к которому он принадлежит, актуальное физическое и психическое состояние человека [16]. Если же какой-либо из этих факторов не учитывается, то возможно неправильное опознание эмоций по внешнему выражению. Люди в силу некоторых причин не всегда могут правильно их расшифровать, а также сами правильно выразить, то, что чувствуют вербально и мимически. Как, например, это не удалось герою романа Л.Н. Толстого князю Облонскому:

(5) He did not succeed in adapting his face to the position in which he was placed towards his wife by the discovery of his fault. Instead of being hurt, denying, defending himself, begging forgiveness, instead of remaining indifferent even -anything would have been better than what he did do - his face utterly involuntarily (reflex spinal action, reflected Stepan Arkadyevitch, who was fond of physiology) - utterly involuntarily assumed its habitual, good-humored, and therefore idiotic smile.

This idiotic smile he could not forgive himself. Catching sight of that smile, Dolly shuddered as though at physical pain, broke out with her characteristic heat into a flood of cruel words, and rushed out of the room. Since then she had refused to see her husband.

"It's that idiotic smile that's to blame for it all," thought Stepan Arkadyevitch.

"But what's to be done? What's to be done?" he said to himself in despair, and found no answer (Leo Tolstoy «Anna Karenina»).

Улыбка на лице Степана Аркадьевича – обычное и естественное явление, но в драматический момент своей жизни он не смог «изменить» свое лицо, поэтому неуместная улыбка была оценена его женой как идиотская и спровоцировала лишь негативные реакции. Таким образом, сам по себе являясь признаком хорошего настроения, доброжелательности, в данном контексте этот знак получает иное наполнение и толкование, противоположное по своей сути.

Примеры 3, 4 и 5 демонстрируют нам не сами эмоции, но описывают их физиологические признаки. По этим косвенным признакам

в комплексе с контекстом мы можем судить о характере описываемых эмоций. Между тем, выражения, которые содержат описание эмоций, нельзя назвать эмотивными, так как говорящий, к примеру, описывая свои или чужие эмоции, в момент говорения может их и не испытывать, а только лишь косвенно констатировать их наличие. Но подобные знаки можно встретить в непосредственной близости с подлинными эмотивными выражениями, особенно со знаками синтаксического и просодического характера (интонация, эллипсис, повтор и пр.), которые и являются истинными выразителями эмоций. Например:

(6) As she was looking carefully down the menu and deciding what to have, she looked across the room and her eyebrows went up a little. How extraordinary coincidence was! Here was a woman she had never seen till the day before, though she had seen plenty of newspaper photographs of her – at a race meeting, in Bermuda, or standing by her own plane or car (A. Christie «At Bertram's Hotel»).

Описательная конструкция *her eyebrows went up a little* является основным вербальным эталоном эмоции удивления, при этом она не обладает эмотивным потенциалом. Следующая за ней фраза, напротив, не содержит никаких прямых указаний на выражаемую эмоцию, тем не менее, из всего приведенного отрывка именно она является эмоционально заряженной, т.е. эмотивной. Эмоциональная напряженность передается в ней через синтаксический маркер – предложением квазипридаточной структуры и через просодический маркер – особый интонационный рисунок данного выражения, на письме представленный пунктуационным знаком – восклицанием.

Несмотря на индексальность соматических явлений, т.е. описание эмоций через их физиологические проявления, сами вербальные дескрипторы эмоций имеют *символический характер*, в силу своей конвенциональности и условности, а индексальность здесь имеет физиологическую, а не языковую природу.

В ряде случаев, весьма малочисленных, знаки, описывающие эмоции, могут иметь *иконический характер*. К ним относятся слова звукоподражательного типа, например grumble 1) ворчание, ропот 2) ворчать. Таким образом, иногда знаки, описывающие эмоции, обладают *комплексным символическо-иконическим характером*.

Третий способ языковой репрезентации эмоций – **выражение эмоциональных ре-**

акций составляет собственно эмотивный тип их проявления, т.е. языковые знаки, выражающие эмоции, являются эмотивными знаками.

Вербализованные эмотивные знаки (или эмотивные части комплексных знаков), по замечанию Б. Волек, имеют характер *символического индекса* [7, с.23]. Эмотивный знак *символичен* в том смысле, что произволен и случаен, как и большинство единиц языка. И эмотивный смысл знака будет раскрываться благодаря языковой личности, обладающей эмотивной компетенцией и способной к дешифровке эмотивного кода. Вместе с тем эмотивный знак *индексален*, во-первых, потому, что выраженные им эмоции являются, как правило, эмоциями другого говорящего, а, во-вторых, потому что как внутренний психический феномен эмоция недоступна прямому наблюдению, и о них можно судить только по косвенным признакам, в языке к таковым можно отнести только эмотивные знаки. Таким образом, эмотивные знаки – знаки, выражающие эмоции, являются языковыми признаками, индексами существования и проявления эмоций. Например:

(7) I wasn't good enough, we weren't good enough, we weren't family enough... I wanted him to die and die and die a thousand times, I wanted him to be gone, I wanted him to be smashed into bits, I wanted him to suffer... (E. George «Playing for the ashes»).

Эмотивным знаком и маркером эмоций в приведенном отрывке является ряд синтаксических повторов, усложненных лексическим повтором, (*die and die and die*). Основная функция данного маркера заключается в интенсификации содержания высказывания, говорящий таким образом подчеркивает свои чувства. Этот тип конструкций может передавать самые разные эмоциональные оттенки – удивление, радость, гнев, раздражение. Характер эмотивного смысла (горе от утраты любимого мужа и горечь от того, что их жизнь сложилась не совсем так, как хотелось бы) может быть раскрыт за счет значения входящих в высказывания лексем и содержания ближайшего контекста. Примечательно, что, как правило, эмоции находят внешнее проявление, в данном случае Дженни внешне спокойна (She thought how odd it was that she wasn't even shaking), и ее эмоциональное состояние выдает только внутренняя речь, в которой и проявляется *индексальный* характер эмотивных знаков.

Четвертый возможный способ существования эмоций в языке и речи – это **эмоцио-**

нальные метафоры. По определению В.Ю. Апресян, «это такие метафоры, которые служат средством концептуализации эмоций в языке (такие как *кипеть* 'очень сердиться', *похолодеть* 'испытать ужас')» [17, с.9].

Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона ознаменовали новую эру языковых метафор и показали, что метафоры могут быть не только особым стилистическим приемом и частью какого-то особенного, неповседневного языка, но также и обычным способом концептуализации в языке чего-то неизвестного, непонятного через уже ясное и известное [18]. Так как эмоциональные явления это нечто скрытое от непосредственного наблюдения, мы видим лишь их косвенные признаки, то эмоциональные метафоры становятся адекватным средством их презентации в языке через уподобление их физиологическим или физическим признакам и явлениям.

Мы принимаем концепцию В.Ю. Апресян, которая выделяет три типа эмоциональных метафор: «физиологический», «когнитивный» и «культурный». Каждый из этих типов имеет свои особенности: в частности, «физиологический» тип предполагает наибольшую степень реального сходства между источником и объектом, «когнитивный» тип – несколько меньшую, а «культурный» тип – наименьшую [17, с.11]. Вместе с тем, «физиологический» тип имеет универсальный характер и совпадает в разных языках (СТРАСТЬ – ЖАР / PASSION IS FEVER), «когнитивный» тип может не совпадать, но, как правило, они понятны носителям других языков (ГОРЕ – СМЕРТЬ в выражении *быть убитым горем* / -), а метафоры «культурного» типа чаще являются национально специфичными (ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ / - , - / SADNESS IS BLUE) [17].

Имея свои особенности, все три типа эмоциональных метафор, тем не менее, имеют общий *символический характер* соотношения языкового знака и обозначаемого им явления, так как они связаны со своим объектом благодаря интерпретатору и не могут считаться знаками-индексами, потому что не выражают эмоций, а скорее описывают их, т.е. по сути представляют собой метафорическое описание эмоций через уподобление их другим явлениям и ощущениям. Например:

(8) to freeze with terror – похолодеть от ужаса, страха.

В данном примере страх в своем крайнем проявлении уподобляется холоду и, таким образом, источником метафоры оказы-

ваются сходные ощущения, которые человек испытывает при холоде. А именно от страха и холода дрожат, трясутся, бледнеют, цепенеют и т.п.

Вместе с тем эмоциональные метафоры сближаются и с номинативным способом передачи эмоций в речи, так как «когнитивные» и «культурные» типы метафор, как указывает В.Ю. Апресян, имеют тенденцию употребляться с идентификаторами эмоций [17]. Например:

(9) to brighten up with joy – светиться от радости,

to go dark with anger – потемнеть от гнева,

to be hit by grief – быть убитым горем.

Но это свойство не является правилом, например, *to feel blue* может выступать как независимый индикатор эмоции *sadness* 'грусть'. А «физиологический» тип эмоциональных метафор вообще преимущественно употребляется без указания на конкретную эмоцию. Например:

(10) "What have I got, worse than lying in my blood?" she asked. A cold deadness was coming over her. Was she abnormal, one of the semicriminal abnormalities? It made her feel cold and dead (D. H. Lawrence "The Virgin And The Gypsy").

В этом отрывке используются два метафорических выражения, которые соотносятся со следующими метафорами: FEVER IS COLD ('СТРАХ ЭТО ХОЛОД') и FEVER IS DEATH ('СТРАХ ЭТО СМЕРТЬ'). Ни в первом, ни во втором случае не представлены лексемы, называющие эмоции. Но эта эмоция легко восстанавливается, так как метафоры «физиологического» типа базируются на симптоматической экспрессии, которая обозначает наиболее характерные проявления конкретных эмоций.

В метафорическом способе объективации эмоций, как и в других неэмотивных знаках, эмоция и ее характеристики представлены в денотативной, логико-предметной части значения, а не в коннотативной, как у большинства эмотивов. И, таким образом, они не могут быть признаками или сигналами непосредственного выражения эмоций. Например:

(11) There are various methods by which you may achieve ignominy and shame. By murdering a large and respected family in cold blood and afterward depositing their bodies in the water companies' reservoir, you will gain much unpopularity in the neighborhood of your crime, and even robbing a church will get you

cordially disliked, especially by the vicar. But if you desire to drain to the dregs the fullest cup of scorn and hatred that a fellow human creature can pour out for you, let a young mother hear you call dear baby "it." (Jerome K. Jerome "Idle Thoughts of an Idle Fellow").

В этом эссе автором были использованы две метафоры, соотносимые с эмоциональным состоянием человека. Первая эмоциональная метафора - *in cold blood* относится к «культурному» типу метафор ЭМОЦИЯ – ХОЛОД. В данном примере эффект эмоции на состояние души ее объекта уподобляется эффекту холода на тело человека, но в отличие от «физиологического» типа человек не чувствует холода, нет физиологического ощущения, а уподобление эмоционального равнодушия холоду происходит в силу культурных особенностей концептуализации эмоций. Но непосредственного выражения чувства равнодушия в этой метафоре нет, автор только указывает на него. Вторая метафора - *to drain to the dregs the fullest cup of scorn and hatred* отражает утверждение Дж. Лакоффа о том, что эмоции в целом концептуализируются как некая жидкость в сосуде [19], поэтому презрение и ненависть могут быть выпиты подобно чашке, например, чая. Но также, как и первая метафора, она не относится к эмотивным знакам, т.е. не указывает на переживание эмоций.

Необходимо отметить, что все знаковые характеристики языковых способов репрезентаций эмоций свойственны им в системном проявлении. В реальной коммуникации любой неэмотивный знак может приобрести эмотивное значение и перейти в класс эмотивных знаков. Также напомним, что неэмотивные знаки могут употребляться в непосредственной близости с эмотивными знаками и в комплексе с ними представлять эмотивное выражение. Например:

(12) Magdalen looked at her in unconcealed astonishment.

"You are so violent," she said, "and so unlike yourself, that I hardly know you. The more patient I am, the more hard words I get for my pains. You have taken a perverse hatred to Frank; and you are unreasonably angry with me because I won't hate him, too. Don't, Norah! you hurt my hand."

Norah pushed the hand from her contemptuously. "I shall never hurt your heart," she said; and suddenly turned her back on Magdalen as she spoke the words (Wilkie Collins "No name").

В данном отрывке представлены все языковые способы репрезентации эмоций, а именно: номинация (*unconcealed astonishment, angry, hate, contemptuously*); дескрипция (*pushed the hand, turned her back*); эмоциональные метафоры (*my pains, I shall never hurt your heart*) и выражение (*Don't, Norah!*). Первые три способа относятся к неэмотивному типу передачи эмоций в языке в отличие от последнего способа - выражения, который раскрывает эмоциональное содержание эмотивно, сигнализируя о непосредственно переживаемых эмоциях. В то же время ряд неэмотивных знаков (*my pains, hate, hatred, angry, hurt your heart*) под влиянием контекста приобретают наряду с собственным денотативным значением и дополнительные коннотации – особое эмотивное значение, и выражают удивление Норы и презрение Магдален. Появление этого значения у неэмотивных знаков стало возможно благодаря другим неэмотивным знакам: *unconcealed astonishment, pushed the hand, turned her back*, которые сохранили свою семиотическую характеристику, но повлияли на характеристику других.

Так как мы обнаруживаем особенности в отношениях знаков, объективирующих различными способами эмоции в языке, и реальными эмоциями языковой личности, то, представляется, что данный критерий (тип знака) может использоваться для четкого разведения **эмотивного выражения эмоций** в эмотивных знаках, имеющих комплексный индексально-символический характер, и **неэмотивного названия, описания и метафорического переосмысления эмоций** в знаках, относящихся к знакам-символам (за исключением указанных случаев).

Подведем некоторые итоги. Все семантическое пространство «Эмoция» состоит из языковых знаков, которые называют, описывают, выражают и метафорически представляют эмоции. Среди них мы выделяем знаки, непосредственно выражающие эмоции – **эмотивные знаки**, комплекс которых составляет особый знаковый эмотивный код языка, и **неэмотивные знаки**, называющие, описывающие и метафорически представляющие эмоции в языке, но в отличие от эмотивных знаков они не указывают на переживание эмоций говорящим. Данные типы знаков обладают индивидуальными семиотическими характеристиками. Так, эмотивные знаки имеют комплексный символический-индексальный характер, а неэмотивные знаки – символический. И на основании этого критерия эмотив-

ЗНАКОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ные и незмотивные единицы языка могут быть четко дифференцированы друг от друга.

Данная работа посвящена исследованию репрезентаций эмоций в английском языке, но мы считаем, что ее результаты могут быть приложимы к большинству европейских языков, в том числе и русскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов С.Н. Идеал «бесстрастия» в гносеисе как источник философского и научного рационализма // Философские дескрипты: Сб.ст., Вып. 3. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.144-159.
2. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session Papers / XIV th International Congress of Linguistics. Berlin. 10-15 August. – Berlin, 1987.
3. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3-15.
4. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАНСЛЯ., Т. 53., №2, 1994.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск, 1986.
7. Волек Б. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции. Сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 1995. – С.15-24.
8. Password – English Dictionary for Speakers of Russian. L. Kernerman. – Estonia: TEA, 1996. – 888 pp.
9. Философский энциклопедический словарь / Ред.кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
10. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1974. – С. 125.
11. Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
12. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование, 2 изд. – М., 1977.
13. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В.В. Кирюченко и М.В. Колупотина; Послесл. В.Ю. Сухачева. – СПб., 2000.
14. Сухачев Н.Л. О семиотике Ч.С. Пирса. Тройственный знак в универсуме репрезента // <http://iling.nw.ru/pdf/nl/pierce.html>
15. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов/н/Д, 1998.
16. Былкина Н.Д., Люсин Д.В. Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе // Вопросы психологии, 2000, №1. – С.38-48.
17. Апресян В.Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи: Сб. статей / Под. ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2005. – С.9-31.
18. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago & London, The University of Chicago Press, 1980.
19. Lakoff G. Women, fire and dangerous things, What categories reveal about the mind. Chicago, IL: Chicago University Press, 1987.